I 158

Год издания 2-ой.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ЖИЗНЬ
и ТВОРЧЕСТВО
РУССКОЙ
МОЛОДЕЖИ.

„Истинная жизнь всегда — Анархия!
Истинная молодость всегда — жизнь!"

13 АПРЕЛЯ 1919 г.

№ 28—29.

Цена в Москве 2 р. 50 к.
вне Москвы 2 р. 75 к.

Главная контора и Экспедиция:
Москва, Тверская ул., Б. Чернышевский пер., д. № 18, кв. № 2 (вход со двора).
Главная Контора открыта ежедневно кроме четверга с 11 до 1 час. дня.
Экспедиция открыта по вторникам и пятницам с 11—1 час. дня и по понедельникам и средам с 4—6 час. вечера.
РЕДАКЦИЯ: *Москва*, Триумфальная площадь, дом № 1/2, кв. № 27. (Вход с Садово-Триумфальной ул.).
Открыта по вторникам и пятницам с 6—8 час. вечера.

ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АНАРХИСТСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Из Альбома России.

Весна.

Рис. А. Дрекслера.

Коренной перелом в тактике или измена идеалу?

Мировая революция неуклонно шагает вперед. Велед за Россией, вспыхнула она в Венгрии и в Баварии. Известия из Наувна передают список вождей Баварской Советской республики, среди которых мы видим анархиста коммуниста Ландауэра и анархиста-индивидуалиста Эриха Мюзама. Мировые события идут с такой головокружительной быстротой и так меняют оценку всех положений, что подчас бывает трудно согласиться с тем, что когда то считалось непреложной истиной и в этом отношении наиболее подвержена колебаниям та тактическая линия, которой придерживались все анархисты до начала мировой революции. Вопросы тактики настолько серьезны и вместе с тем стали настолько противоречивы, что все анархисты благодаря им вынуждены были вести работу разрозненно, а не об'единенно, хотя последнее и диктовалось интересами самой революции. Мы знаем, какую огромную роль для дела революции принесли анархисты, когда они в октябрьские дни семнадцатого года пошли рука об руку с рабочим классом, мы знаем также о повстанческом анархическом движении на Украине в конце 1918 и начале 1919 года, мы знаем и об воинских отрядах анархистов, дерущихся теперь против контр-революции, как, напр., об отряде анархиста Махно. Но вместе с тем мы отлично помним повсеместный разгром федераций анархистов в России весною 1918 г. со стороны большевистской власти. И это не только в прошлом году.

Последние известия сообщают нам, что разгромы федераций продолжаются и теперь. Не так давно были разгромлены федерации в Екатеринославе, Смоленске и Самаре. Эти разгромы идут всюду одинаково. Стоит лишь анархистам организовать широкую пропаганду своих идей, пробудить тягу масс к анархистам, как уже анархисты становятся бельмом на глазу большевиков. Так было в 1918 г. в Москве и др. городах, так это повторилось и теперь в Екатеринославе, Смоленске и Самаре. И в то же время мы замечаем, что там, где анархисты входили в Советы, там анархистское движение более всего выигрывало. Мы не будем здесь решать вопроса, следует ли анархистам входить в Советы, как властные учреждения, или нет, но нам необходимо остановиться на этом вопросе дабы сопоставить тактику русских товарищей с возможной переменой в тактике германских товарищей.

Быть может, учитывая анархистское движение в России, анархисты Баварии сочли необходимым вхождение не только в Советы, но и в высшие властные органы. Мы не имеем возможности осветить этот вопрос подностью, но во всяком случае участие таких известных Германии вождей Анархии как Ландауэр и Мюзам—заставляют предполагать, что или они перестали быть анархистами, или же они изменили прежней тактике и приняли новую, допускающую возможность путем вхождения в Правительство — проводить анархистские идеи среди человечества. События ближайших дней окончательно прольют свет на анархистское движение в Баварии и принятую ими тактику. С их тактикой нам тем более дорого познакомиться, что анархистское движение в Германии было и в дореволюционное время гораздо сильнее, чем в России, что при весьма незначительном количестве населения, сравнительно с Россией,—представляет огромную силу для движения. Трудно предположить, чтобы такие анархисты, как Мюзам и Ландауэр изменили своим идеалам,—скорее они изменили прежней анархической тактике и, наученные опытом русской революции, решили всеми дозволенными и недозволенными средствами итти по пути утверждения безвластия. Разгромы анархистских организаций в России сильно подорвали рост анархизма—не лучше ли, пойдя в Правительство, иметь право до поры до времени пользоваться преимуществами, которые дает всякая власть и тем способствовать анархистскому движению? Так, повидимому, стал вопрос перед Баварскими товарищами.

Ближайшие дни бесспорно дадут нам ответы на все эти вопросы.

Н. Марков.

К Созданию Московской Федерации Анархистов.

В то время, как анархистская молодежь деятельно строит свои организации, в то время, как каждый день приносит известия о росте анархистского настроения среди молодежи, о создании новых и новых групп, кружков и ячеек занимающихся как изучением анархизма, так и пропагандой его—словом в то время, как идет гигантская, низами творимая работа по организации Всероссийской Федерации Анархистской Молодежи,—у старших товарищей работа складывается вяло, работа не ладится.

И не потому не ладится работа, что нет отклика в массах, что в массах нет стремления к анархизму,—опыт создания Всефема показал, также, что такое, часто потенциальное пока стремление—колоссально, что *только* к анархизму и приходят массы, разочаровавшись в различных диктатурах, построенных на крови, гнете, лжи и насилии.

Дело не в этом. Дело в том, что теперь, когда в массах начинает просыпаться их анархистская сущность, теперь среди тех групп, на которых естественно должна была бы пасть обязанность по поддержке и развитию начинающегося движения, среди тех товарищей, которые всю свою жизнь положили на разработку различных теоретических вопросов ана хизма на его пропаганду, на создание анархистского движения в стране,—в среде этих товарищей творится нечто странное.

Бесконечное дробление прежде единых организаций и в связи с этим дроблением—множество всевозможных групп, прямо *враждующих* друг с другом, упрекающих друг друга в неанархичности, в нежелании работать, в раскалывании движения. А затем, как всегда, личные и групповые дрязги самого мелкого пошиба, дрязги, доходящие до рассказывания различных повестей из прошлого, имеющих доказать полную неанархичность героев этих повестей. И на ряду с этим—мелкий спор о том кто истинно-анархичен, деятельное втыкание палок в колеса друг другу и грубое презрение ко всему инакомыслящему. И работы в более или менее широком масштабе нет, работа встала.

Полная коренной распад существовавших групп и открытая вражда между группами, образовавшимися в результате этого раскола, создают не только параллельный раскол всего движения, но в корне губят это движение.

Ибо всякий товарищ, входящий в группу для того, чтобы работать, встречая вместо работы по поддержке движения стремление возможно больней уколоть и скомпрометировать своего соседа, разочаровывается в возможности работать и движение теряет своих лучших активнейших деятелей.

Движение совершенно не обслуживается, движение, не встретив идейной помощи и поддержки со стороны занятых перемыванием грязного белья „центров" может замереть и погаснуть.

И долг всякой „нейтральной" анархистской организации—возвысить свой голос с призывом к единению.

Секретариат Всер. Фед. Анарх. молодежи взял на себя инициативу об'единения. По его призыву состоялось инициативное собрание московских анархистов, на котором обсуждался вопрос о создании единой Московской Федерации Анархистов. Было решено выработать платформу об'единения, представить ее на рассмотрение всем существующим в Москве анархистским группам с просьбой, в случае несогласия с нею, представить свои проекты изменения ее. Если соглашение на помещаемой ниже платформе об'единения, дополненной или измененной поправками групп состоится, то будет созвано об'единительное собрание, на котором и организуется Московская Федерация и будет составлен распорядок ее внутренней жизни. Таков план об'единительной работы, составленный Секретариатом Всефам'а

Мы знаем те трудности, которые стоят на пути об'единения. Мы знаем, что придется пробить брешь прежде всего в той стене неторпимости по отношению к вопросам тактики, прямым последствием которой и явился раскол анархистских групп. Но конечно—прописная истина—если есть споры, о тактике, то не враждой и взаимными упреками, а свободным совместным обсуждением будет выработана одна приемлемая для всех тактика момента.

Да и не вопрос о тактике должен быть поставлен во главу угла об'единения. В настоящий момент, момент стихийного зарождения анархистского движения надо преподавать массам самые основы безгосударственности, надо создать самые элементарные технические устои движения. А для этого надо сказать все наличные силы и средства. И мы знаем, что в этой дорогой для всякого анархиста работе, работе по обслуживанию родного движения, кроется нечто связывающее разрозненное, нечто несущее с собой общность и единство всего истинно анархичного и истинно активного.

Работа по об'единению началась.

И если она не ужастся, если снова мы услышим презрительные заверения о новом хаосе об'единения с теми, кто „профанирует" анархизм и сатирически-генеральский тон по отношению к инакомыслящим, то, либо „генеральство" нанесет решительный удар анархистскому движению, либо движение в своем творчески-жизненном порыве пойдет мимо центра и мимо его генеральства.

Леонид Чиволов.

Против власти.

Анархисты, как известно являются самыми ярыми противниками всякой власти.

Они не только не признают никакой власти, но всеми силами боролись и борятся против нее.

Что такое—власть?

Власть это—величайшее зло в мире! Нет ничего ужаснее власти. Власть это—всякандалы, цепи, застенки, эшафоты.

Вы только всмотритесь, всмотритесь в это безформенное чудовище.

Вы проследите его историю и вы содрогнетесь от ужаса. Вся дорога власти, весь ее многовековый путь усеян костями. Реки крови текут вокруг этих холодных преступников, этих страшных властолюбцев. Стоны

и проклятья, рыданья и бессильная злоба,— вот история власти.

Прочтите, что хотите: хотите сегодняшнюю газету, хотите журнал прошлого столетия, прочтите любую историю или евангелие, посмотрите какую-нибудь старую запылившуюся гимназическую „отца святого“ или брошюрку революционера, вы везде прочтете об одном и том же, везде одно и то же, хотя написано и по разному; это жуткое одно и то же: „убили“, „расстреляли“, „замучили“, „четвертовали“, „распяли“, „в тюрьме сгноили“, „приговорили к смертной казни“, „сошел с ума в одиночке“, „не вынес и повесился“, „стравился от преследований“ и так без конца.

Каждый день, каждый час, каждую секунду вешали и вешают, расстреливали и расстреливают, мучили и мучают

Итак из месяца в месяц, из года в год, из века в век!

„За покушение на власть“, „за отказ от исполнения приказания власти“, „за не подчинение власти“, „за свержение существующей власти“, „за отказ воевать за власть“, и так все кары, все наказания, все казни и убийства—все за власть.

Все это ради ее! Все это для нее! И люди, как будто, так привыкли ко всем ужасам власти, так сжились с неизбежностью расстрелов, эшафотов, которыми сопровождается властвование власти, что готовы во имя ее принести какие угодно жертвы.

Кто построил эти громадные склепы—могилы для живых покойников, тюрьмы и крепости? Кто унизил одного человека до полного рабства и возвысил другого до господина? Кто заставил бедняка ходить голым и умирать с голоду, когда магазины и склады полны одеждой и хлебом?

Власть!

Но, вы, живущие здесь, вы, страдающие и любящие, всмотритесь, всмотритесь в белые страницы вашей истории, всмотритесь в историю власти и вы увидите, что она вписана не черной краской, что кровь человеческая, драгоценная кровь запеклась на этих мертвых малоговорящих буквах.

Вы только вспомните о всех погибших и погибающих.

Вы только вспомните за что погибли все эти: Каляевы, Кибальчичи, Перовские, Константины Черные, Засуличи. Моисеи и все, все, которых нельзя перечесть? Что они хотели?

Задумайтесь, чего они добивались? Вспомните,—уничтожения! Уничтожения произвола, насилия, порабощения, уничтожения этого страшного чудовища,—зверя без сердца,—власти!

Все бунты, все восстания, все революции все эти бесчисленные жертвы были принесены во имя освобождения человека от человека, во имя освобождения от власти. Но стоило только уничтожить одну власть, как появлялась другая, стоило только „хорошего“ человека посадить на место прежнего, как и он делался тираном и так без конца. Сколько бы вы не меняли власть, никакая власть не будет ни хуже, ни лучше. Всякая власть—насилие!

И неужели все эти жертвы, весь этот вековой кошмар насилия, эта пляска смерти, неужели все это не восстает перед вами, не душит вас во сне и наяву? Не может быть! Не может быть,—говорю я. Вы, как и мы, анархисты, и вы, все, все ненавидите власть, вы ее ненавидите с первого дня вашего рождения и до последнего дня вашей жизни.

Но вы, запуганные ею, одурманенные ее призрачным величием, завороженные религиями, вы боитесь помыслить себя свободными.

Двухсотлетнее татарское иго, Иоанны грозные, Аракчеевы, Николаи и Александры, все это вселило в ваши души покорность, страх, почитание, все это вытравило и заглушило сильный свободный голос человека.

Вы пугаетесь свободы и держитесь за веревку власти, за ту самую веревку, которая не сегодня, завтра затянет петлю на вашей шеи и вы, подобно тем многим, будете болтаться на перекладине, валяться в каком-нибудь сарае застрелянными после того, как вы сами расстреливали равных себе, будете томиться в тюрьмах после того, как вы сами приговаривали и сажали в тюрьмы таких же несчастных, бессильных, какими окружитесь и вы

Власти нужны жертвы!

Бросьте от себя эту веревку! Поймите, что вы, как и они, имеете право на жизнь!

Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого. И только власть, только власть осмелилась посягнуть на жизнь человека. И можно ли после этого терпеть власть?

Все зло, которое существует на земле это—плевелы власти.

Война, голод, нужда, раздоры, вот, что нужно власти. Она разделяет и властвует.

Власть жаждет истребления своих противников, она жаждет в еобщего порабощения. Таков неизменный закон власти. Власть это—наш исконный враг, это многоголовая гидра с одним туловищем, которую необходимо уничтожить человеку.

Это—сфинкс, который будет мучить человечество загадывая все новые и новые загадки. Что такое власть—вот ее первая загадка.

Человек, отгадай эту загадку и ты избавишься от страданий, от войны, от насилий, от произвола, ты будешь свободен, ты будешь человеком. Иначе ты погибнешь в рабстве.

Вдумайся в это страшное слово!

Вдумайся и ты скажешь: Власть это—зло! Скажи эти три слова и она исчезнет, ибо власть сильна только твоим безвластием!

Ты раб только потому, что в другом видишь господина.

Пойми, пойми только, что ты равный ему и он больше не будет для тебя господином.

Чтобы уничтожить власть нет надобности даже убивать властелина. Стоит только не исполнять его приказания, как он сам не будет больше приказывать.

Разве власть сторожит тюрьмы? Разве власть приводит в исполнение убийства? Не исполняй, что она приказывает и власть останется без подвластных.

Откажитесь от власти! Власть—зло!

Н. Амбургский.

Друг человечества.

(Ко второй годовщине смерти д-ра Заменгофа)

Кто из русской читающей публики не слыхал о международном языке Эсперанто?

Все, или почти все.

Но кто, кроме эсперантистов, знает д-ра Заменгофа?

Никто, или почти никто.

Ибо пророк не бывает в своем отечестве, а если и бывает, то только после смерти.

Ибо, чтобы стать известным, надо сначала умереть, или покончить самоубийством, как Отто Вейнингер.

Кандидатом и „бессмертные“ обыкновенно делаются лишь *после* смерти. При жизни „бессмертных“ только забрасывают камнями или обливают грязью, в лучшем случае (а может быть это худший случай) к ним холодно равнодушны.

Д-р Заменгоф обладает всеми аттрибутами „великих“ и „бессмертных“.

Облагодетельствовав все человечество, подарив ему величайший, ценнейший дар—международный язык, он сам всю жизнь был бедняком. Он жил в самом бедном квартале Варшавы, он лечил бедняков, умер бедняком, за его гробом шли бедняки и его намять будут благословлять бедняки, у которых нет времени и денег, чтобы изучать несколько иностранных языков.

„Бессмертных“ при жизни обыкновенно считают сумасшедшими; очень часто к слову „великий“ прибавляется слово „безумец“; иногда их гений действительно граничит с безумием.

Д-ра Заменгофа, хотя он жил и умер „в твердой памяти и здравом уме“, многие считали безумцем и фантазером. Сам отец его однажды поверил другу когда тот ему сказал, что занятия его сына над фантастической идеей международного языка являются симптомом близкого безумия; и он запретил сыну, тогда еще юноше, заниматься этим вопросом и даже говорят, сжег его бумаги.

И, наконец, д-р Заменгоф, как все „великие“, имел свою *idée fixe*. Как у страстного шахматного игрока всегда в голове только ходы и комбинации, гамбитты, атака и защита, паты и маты, как Герман в „Пиковой даме“ даже на любовном свидании думает о трех картах,—так голова д-ра Заменгофа вечно была полна одним международным языком; днем и ночью, наяву и во сне он был занят одной этой думой, все в жизни он связывал с этой идеей, во всем он искал отношение к вопросу о международном языке. И хотя он не удостоился умереть в ореоле мученика за правду и идею, но он *всю жизнь* „мучился“, работал, страдал и горел.

Совсем в другом положении находятся его преследователи, эсперантисты. Их не преследуют, не гноят в тюрьмах, не расстреливают, даже не издеваются над ними. Может быть лет 25-30 тому назад и смеялись над ними, как над мечтателями и фантазерами. Но теперь можно, пожалуй, академически спорить о тех или иных внешних деталях международного языка, или о целесообразности его немедленного введения в жизнь „декретным“ путем, сверху, или необходимости вводит его постепенно снизу, через школы и народные массы; любители искать пятна на солнце могут, наконец не находить ни Эсперанто, ни какой-нибудь другой язык достаточно идеальным международным языком,—но кто осмелится смеяться над самой идеей международного языка?

Только глупец или невежда.

Ведь теперь уже нет такого аргумента, обывательского или псевдо-научного, против международного языка, на который не нашлось бы контр-аргумента в любой пропагандной брошюре.

И нам смешно видеть некоторых эсперантистов, воображающих себя борцами, чуть ли не мучениками эсперантизма.

Скажем откровенно: не велика теперь важность быть эсперантистом (истинно вам го-

ворю: стократ труднее быть коммунистом). А пройдет еще немного лет и быть эсперантистом будет означать то же самое, что проповедывать в *наши дни* истину о том, что земля вертится вокруг солнца, а не наоборот.

Но относясь пренебрежительно к кичливой гордости современных эсперантистов, мы нисколько не умаляем значение д-ра Заменгофа, а, наоборот, смело предсказываем ему бессмертие и титул „друга человечества".

Ибо нет сомнения, что в близком или далеком будущем для каждого человека обязательны будут два языка: свой родной и общий международный язык. Пусть это и не будет Эсперанто. Как научно доказано всей новейшей филологией и такими знатоками этого вопроса, как проф. Бодуэн де-Куртенэ, Роман Брандт, Рене де-Соссюр, Вильгельм Оствальд и другие, будущий международный язык будет, если не сам Эсперанто, то во всяком случае язык весьма близкий к Эсперанто, основанный на тех же принципах, на которых построен Эсперанто. На этом языке будут говорить миллионы людей разных наций, его литература будет богаче самой богатой национальной литературы, в миллионах экземплярах на нем будут печататься газеты, журналы, учебники, каталоги, этот язык будет дома и на улице, в вагоне и в конторе, на столбах и на вывесках. Представьте себе это и скажите, как иначе будут называть человека, изобревшего этот универсальный язык, или основы этого языка, если не „другом человечества?"

Чтобы ни случилось—мы твердо убеждены д-р Заменгоф останется в истории цивилизации как один из первых, положивших прочный камень в фундамент об'единения всех народов на основе нейтрального международного языка.

Величайшие битвы недавних дней будут вычеркнуты из хронологии истории, многие революционные даты будут забыты, а дата „14 апреля 1917 г." долго еще будет отмечена черным крестом в календаре человечества.

Д-р Заменгоф умер в годину мрачной реакции наглых оккупантов, ему не довелось дожить до наших дней, когда его творение—на пороге признания и осуществления первой в мире Рабоче-Крестьянской Республикой. Нас это глубоко печалит, но у нас нет места отчаянию. Не будучи роялистами, мы говорим:

Le roi est mort, vive le roi.

Друг человечества, доктор Заменгоф, умер; да здравствует его бессмертный наследник, международный язык Эсперанто!

Борис Бреслау.

Памяти великого идеалиста.

„Разрушим мы стены меж рас и народов
И рухнут подпоры громоздкие сводов,
И землю, где мы как в тюрьме изнываем,
Мы сделаем раем.

Л. Заменгоф.

„Вы [1]) спрашиваете меня, как появилась у меня мысль создать международный язык и какова была история языка Эсперанто?

Идея, осуществлению которой я посвятил всю свою жизнь, появилась у меня—смешно сказать—в самом раннем детстве и с того времени никогда меня не оставляла; я жил с нею и даже не мог себя представить без нее. Я родился в Белостоке 15 декабря 1859 года. Это место моего рожденья и моих детских годов дало направление всем моим будущим стремлениям. Население Белостока состоит из четырех различных элементов: русских, поляков, немцев и евреев. Каждая из этих групп говорит на своем языке и враждебно относится к другим. В таком городе, более чем где-либо, впечатлительная натура чувствует тяжелое несчастье многоязычия. Меня воспитывали как идеалиста, меня учили, что все люди—братья, а между тем везде, на каждом шагу, все заставляло меня чувствовать, *что людей нет: есть только русские, поляки, немцы, евреи и т. д.* Это всегда мучило мою детскую душу, хотя многие, может-быть, улыбнутся этой „мировой скорби" ребенка. Мало-по-малу я, понятно, убеждался, что не все так легко делается, как это кажется ребенку; одну за другой отбрасывал я различные детские утопии и только мечту о едином человеческом языке я не мог бросить. С каким то смутным чувством я все цыплялся за нее, хотя, конечно, не имел еще каких-либо определенных планов".

Это признание Заменгофа весьма характерно: оно проливает свет на внутреннюю идею эсперантизма. Некоторые утверждают, что Эсперанто предназначен быть языком торговли, дипломатии—кодом сигнализаций, своего рода. Однако, мы ясно видим, что Эсперанто, создание которого имело такое гуманное назначение,—не безжизненное собрание слов; он имеет душу, свои особенности, он отражает дух всего человечества.

Каким же образом искусственный язык стал живым, каким образом талантливый Заменгоф вдохнул в него невыразимую красоту?

„В 1878 году мне казалось, что языку достаточно иметь грамматику и словарь; тяжеловесность и неуклюжесть языка я приписывал тому, что сам еще недостаточно хорошо им владел; но практика все более и более убеждала меня, что языку нужно еще какое-то неуловимое „нечто", какой-то связующий элемент, придающий языку жизнь и определенный, своеобразный дух. Я стал тогда избегать дословных переводов с того или другого языка, а старался прямо думать на нейтральном языке. И я заметил, что язык в моих руках уже перестает быть беспочвенной тенью того или другого языка, а получает свой собственный дух, свою собственную жизнь, собственную определенную и ясно выраженную физиономию, уже независимую от каких-либо влияний".

Жизнь, полная лишений и испытаний, выпала на долю этого апостола международной солидарности. Принужденный скитаться и добывать средства на существование (он был окулистом), Заменгоф жил впроголодь. Он лишил себя всех радостей молодости—все принес в жертву:

Mia penso kaj turmento
Kaj doloroj, kaj esperoj!
Kiom de mi en silento
Al vi iris jam oberoj.
Kion havis mi plej karan—
La junecon,—mi ploranta,
Metis mem sur la altaron
De la devo ordonanta [2]).

Л. Заменгоф.

(Продолжение следует).

[1]) Выдержки цитируются мною из частного письма Заменгофа („Вокруг Света" № 32, 1917. Перевод с Эсперанто Бориса Бреслау).

[2]) Дословный перевод: „Моя мысль и мучение и боли и надежды, сколько от меня, в молчании, к вам пошло уже жертв! Что мне было всего дороже—мою юность,—я, плачущий, положил на алтарь долга повелевающего".

Продолжается подписка на Ж. и Т. Р. М.
на 1919 год.
На год—**100** руб., на 6 мес.—**55** руб., на 3 мес.—**30** руб., на 1 мес.—**10** руб. с доставкой. Подробности подписки и издания смотрите в № 16 журнала.

Требуются агенты для широкого распространения журнала.
ТРЕБУЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ.

От Секретариата В. ф. А. М.

Секретариат Всефам'а просит все уже организовавшиеся группы приступить к работам по следующему плану:

1) Организовать внутреннюю, групповую работу, для чего созывать общие собрания группы, на которых обсуждаются (в форме доклада и прений, либо в форме свободных прений) как различные вопросы по теории анархизма, так и основные вопросы жизни, искусства, этики и морали. Список таких тем для руководства, в случае невозможности подыскать более интересных для данной группы вопросов, Секретариат при сем прилагает.

2) Приложить все усилия к поддержке анарх. движения в местностях, где работает данная группа, для чего организовывать митинги, групповые занятия по основам анархизма и снабжение литературой существующих анархистских ячеек.

3) Поддерживать все культурные начинания среди местной молодежи. Устраивать библиотеки, музыкальные, драматические, художественные, а также и специальные кружки.

4) Для более близкого участия в политико-общественной жизни страны, обсуждать все более или менее выдающиеся моменты текущей общественно-политической жизни. Просьба: результаты каждого такого обсуждения сообщать Секретариату, дабы последний мог всегда знать о суждении входящих в Федер. групп о текущем моменте.

Темы для внутренне-групповых занятий:

1. Темы по изучению философии и науки анархизма и других общественно-философских систем.

a. Существует ли закономерность в истории и в чем, если существует, то в чем ее критерий

b. Исторический материализм в социологии

c. Суб'ективный метод в социологии.

d. История разрешения философско-обществен. учениями проблемы личности.

e. Марксизм; его философия истории и его взгляд на личность

f. Либерализм; его филос. история, его взгляд на личность и ее миссию.

g. Анархизм; его философия истории, его понимание личности, как цели и средства.

h. История анархистских учений.

i. Анархо-коммунизм, научный фундамент, этика ан.-коммунизма ан-коммун. общество.

k. Индивидуализм. Есть ли научный фундамент у индивидуализма. Этика индивидуализма. Возможно ли анархо-индивид. общество.

——

2. Темы для детального рассмотр учения анархизма следуют темы.

3. Несколько тем по обсуждению вопросов жизни, искусства морали и этики.

a) В чем жизнь и в чем счастье.

b) В чем нравственность. Есть ли критерий нравств. и в чем он.

c) Толпа и личность. Их взаимоотношение и взаимовлияние.

d) Не есть ли служение какому-либо идеалу, своеобразной религией. Чем отличается служение идеалу от служения Богу. Не есть ли служение идеалу посягательство на личную свободу.

e) Покой и буря в личной жизни.

f) В чем искусство. Существует ли об'ективный критерий красоты и если существует, то в чем он.

g) О единстве искусства. Существуют ли пролетарское искусство и в чем его критерий.

h) Мечта, как нечто заменяющее жизнь. Могут ли мечтания о жизни заменить собою жизнь.

i) Смерть и мы. В чем истинная смерть. И не обозначает ли хотя бы малейшее ограничение своего „я"—смерть части существа и индивидуальности этого „я".

k) О любви; не является ли любовь залогом анархич. сущности человека.

Искусство и государство.

Мы переживаем тяжелую эпоху искусства. Искусство сковано и убито слишком большим вниманием к нему государства.

В то время, как государство добилось отделения церкви от государства, отделение от государства искусства—еще вопрос будущего.

Искусство не может свободно развиваться в рамках государства. Государство вообще есть тот шаблон земного шара, от которого не хватает смелости избавиться.

Если уже даже люди наиболее несвободные существа—поняли, что государство пережиток, слепая кишка современности, то как было не почувствовать этого искусству, самому свободному проявлению души и мозга?!

В чем же выражается дурное влияние государства на искусство?

Прежде всего в том, что государству нужно для своих целей искусство совершенно определенного порядка, и оно поддерживает только то искусство, которое служит ему хорошей ширмой. Все остальные течения искусства затираются.

Государству нужно не искусство исканий, а искусство пропаганды. И вот мы видим, что государство поддерживает всяких демьянов бедных и и так называемых „пролетарских поэтов", которые не несут никаких новых завоеваний ни в области формы, ни в области идеологии. Они просто не умеют писать и переповторяют старенькими виршами азбуку социализма. Но разве это дело искусства? В чем же тогда разница между стихами и фельетоном газеты?!

Однако, государство и не может не поддерживать именно это тенденциозное искусство, так как для целей государства только оно нужно.

Я далек от мысли предполагать, что только борьбой различных поэтических течений создается искусство исканий. Нет! Эта борьба, это Учредительное Собрание всех школ только парализует искусство.

Но как только искусство будет отделено от государства, одно из течений возьмет в свои руки власть и будет диктатором пока его не свергнут. И в этот период диктатуры, пока остальные школы будут напрягать свои силы для свержения диктатуры, это диктаторское течение будет свободно творить.

— Вот этой опасности государства для искусства и не учел ныне благополучно гибнущий футуризм, оплеванный государством. Он напрягает последние силы для того, чтобы получить признание от государства.

Мы—имажинисты—группа анархического искусства—с самого начала не заигрывали со слоновей нежностью ни с термином, что мы пролетарское творчество, не становились на задние лапки перед государством.

Государство нас не признает и слава Богу!

Мы открыто кидаем свой лозунг Долой государство! *Да здравствует отделение государства от искусства.*

Наши следующие лозунги:

Да здравствует диктатура имажинизма!

Долой критику, эту гадалку-спекулянтку от искусства. Она не нужна ни творцам, ни читателям.

Поэзия—не вдохновение, а ремесло и почетна именно как трудное мастерство ремесла. Мы отрицаем вдохновение и интуицию. *Мы признаем ремесло и знание.*

Мы считаем, что поэзия должна быть урбанистической, т.-е. городской, но наш урбанизм это не писание *о городе*, а писание *по городскому*.

Высший динамизм—*уничтожении глагола*, который приковывает все к определенному времени. Если мы еще допускаем глаголы, то в наиболее нейтральном виде—в неопределенном наклонении, Вообще грамматику следует или забыть или реформировать. Мы изобрели, напр., причастие будущего времени („придущий" т. е., тот, который придет). Мы уничтожаем постепенно существительные типа прилагательных, как „голубизна", „коричневость", заменяя их существительными чистого вида „голубь" „коричь" (или „коричнь").

Мы не боремся с прошлым искусством не потому, что считаем его нужным, а просто потому, что у нас нет времени сражаться с ветряными мельницами.

Нашей главной базой является утверждение, что *единственным материалом поэзии является образ*, при чем *образ вовсе не должен быть похож*. Образ „звезды—крупа" гораздо хуже образа „гонококки звезд", потому что *похожесть* в образе, как и в портрете *это недостаток*.

Мы—реалисты и забываем благородно о романтике, мистике, духовности.

До нас % образов в строках бывал 4, 5, редко 10. Мы требуем, чтоб образов было столько, сколько строк, т.-е. *100% образов*.

Мы требуем полного разделения искусства (диференциации). Поэтому мы выкидываем из поэзии звучность (музыка), описание (живопись), прекрасные и точные мысли (логика), душевные переживания (психология) и т. д.

Нас еще немного.

Нас поэтов имажинистов, подписавших первую декларацию имажинизма было четверо: я, Вадим Шершеневич, Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф, Рюрик Ивнев. Ивнев уже погиб (жертва государственного приличия). Его место с лихвою занято: Александром Кусиковым, Николаем Эрдманом, Иваном Старцевым, Сергеем Спасским. Около нас Лев Моностон и Сергей Третьяков.

Под наши знамена—анархического имажинизма—мы зовем всю молодежь, сильную и бодрую. К нам, к нам, к нам.

Вадим Шершеневич.

Малиновый звон.

(Импровизация 1918 года).

Вам грустить тишиной
Набегающей резче
Истекает по каплям
По пальцам—рука,
Синих жилок букет
Васильками трепещет
В этом поле вечернем
Ржного виска.
Шестиклассник влюбленными прячет руками
И каракульки букв назначающих час...
Так готов сохранить я строками
На память
Каждый миг освященный
Златоустием глаз.
Вам грустить тишиной. Пожелайте: и сплачу
Я за вас этот жуткий истомительный хруп...
Это жизнь моя бешенной тройкою скачет
Под малиновый звон
Ваших льющихся губ.
В этой тройке—вдвоем. И луна в окна бойко
Натянула.
Как желтые вожжи, Лучи...
Под малиновый звон звонких губ ваших
Тройка,
Ошалелая тройка
Напролом проскачи!

Вадим Шершеневич.

Белый конь.

Белый конь закусил удела—
Это облако скачет по небу.
Белый конь! В небе требуй
Пред собою парчу расстилать.
Ты сегодня свободный и вольный:
Всадник сброшен,
Так сбрось и узду,
Гривой встряхни,
Ноздри вздуй—
Путь прямой пред тобой
Не окольный.

Александр Кусиков.

Дары весны.

Сестре Вере посвящаю.

В лучезарный венок лучи солнца совью,
Нанижу я из звезд ожерелье,
Из лазури небес покрывало сошью,
Кубок хмельным наполню весельем.
За Свободу борца увенчаю венком,
Ожерелье певцу дам в награду.
Наготу красоты под лазурным шатром
Защищу от нескромного взгляда.
Я с куоком подойду к отравленным тоской:
Пейте, вы, не познавшие счастья,
Опьяняйтеся мной, золотою весной,
Злой поры миновало ненастье!
В карнавале веселом кружитесь толпой,
Пойте песни воскресшей природе,
Звездам, месяцу, солнцу, заре молодой
Пойте гимны великой Свободе!

В. Озимый.

* * *

Когда в электричестве мглистою пылью
летнею ночью Москвы дребезжащей
Задыхаются бульвары,
И мысли усталой полет безысходен—
всякою шуткой вблизи проходящей
Отвлекается пары,
Асфальт, размягченный дневною жарою,
ногами прохожих, солнцем и блеском,
Застывает прохладой,
И мглу, и пекарен волненье и жажду, день
с продавцами ногами и треском
Ожидает наградой,
Когда отвратительной, грязною соской
звон кабаков-ресторанов манящий
Разражается скрипкой,
А вся эта пыль и толпа, безнадежно ждущая чувственной прихоти ночи,
Ложью кажется липкой,
Тогда раскрывается молодость души, и
взрывы ее бесконечных раскатов
Ощущает бездонность;
Любви и страданий, полета и счастья символ понятен, как яркость плакатов:
Это я—монотонность!

П. Гар.

Извещение

от Секретариата Всефам'а.

Список инструкторов.

Камышин Н. В. Советская школа 2-й ступени № 1. П. Степанов.

М-ко Рудня. Могилевской губ. Оршаанского уезда, почт. отд. до востребования. Степан А. Шапур.

Зубцов. Тверск. губ. Н. А. Горячев.

Кинешма. Союз Кооперативов (хозяйственный отдел). Николай Петров. Модин.

Ст. Вязьма, Александр. ж. дор. Т. Ф. Гудков. п./отд. **Каменка.**—Семигорье, Ив.-Вознесенск. губ., д. Никулино. М. Клементев.

Ст. Лухтонга, Сев. ж. дор. Ефим Епальский.

Нижний-Новгород, Острожный пер., д. № 2, кв. 2. Е. Колмаков.

ПРОТИВ БОГА.

(Атеистические псалмы).

Псалом второй.

Когда падали люди на улицах от голода,
И везде пели песни кровяные ручьи,
Когда святость Твою продавали друг
другу за золото,
И за ризы твои
Жребий метали,
Себя отдавали,
Чтобы слукавить
И свечку поставить,
Ты был нем, слеп и глух,
Ты был где то далеко,
Твое зрячее око,
Твой слух
Наши немощи не волновали!
Где был ты?...
Люди—трусы, они как скоты
Только блеяли, вечно страдали,
Родились в цепях и в цепях погибали,
Себя проклинали,
Себя продавали:
Одни на панелях,
Другие в отелях,
А третьи—(и их очень много)—
Везде, где угодно и все ради Бога,
Все ради Тебя, властелина могучего,
Великого, доброго и святого Творца,
Во имя чего то, быть может, и лучшего
И так без конца...
Отцы сыновьям свои цепи дарили,
Дочерям своим матери их завещали,
И те и другие их молча носили
И только у Бога просили,
Чтоб он им помог жизнь прожить без печали.
Одни выростали владельцами фабрик, богаты
как Крезы,
Кадили Тебя и престол Твой фабричными
трубами
Ворочали суммами,
Ворочали
Рабочими,
Боялись восстаний и Марсельезы,
Другие-ж росли одинокими, грубыми,
Вечно больными и нервными,
Страдали от голода.
Словно железо
Пред золотом
Были они перед первыми.
Всех осенял Ты Своей благодатью,
Делая выбор по званью и платью:
Бедным—Ты жить не мешал в их подвалах,
Нищим—Ты, Бог, не мешал голодать
Не мешал и богатым
Вечно теснить угнетенного брата,
Вечно твердить, что богатств ему мало
И—наживать.
Строились храмы, а рядом—притоны;
Строились лавры, а рядом—остроги;
Были жрецы Твои святы и строги,
Глухи, как Ты, и к проклятьям и к стонам,
Чуть что услышат—"Молчите—
Бога гневите?!"
—Ждите: накажет Вас Бог!
И... в острог...
Жутко тянулись столетья...
В духе религии выросли дети,
Выросли истинно в Боге:
Телом могучи, душою убоги,
Одни проживали наследство,
Другие его умножали,
А третьи кляли свое детство...
Ну! Грянули выстрелы и храбрецы
Разбили все то, что так чтили отцы:
Сначала дворцы,
Где жили цари,
Потом—алтари;
Прогнали своих притеснителей:
Богачей и священнослужителей—
А подумав немного
Прогнали и Бога..
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И вот теперь я вижу: Он идет
По тем местам, где царствовал когда-то,
Где вместе с Ним царили мрак и гнет,
Где брат сражался против брата,
Где кровь виднеется на вытоптанной замле,
Где умирает черная обитель,—
Я вижу, как в вечерней тусклой мгле
Преступником скрывается... Спаситель!

Александр Уранский.

Новая школа.

I.

После дней под'ема, дней лихорадочной работы, в среде революционной учащейся молодежи замечена реакция. Расседаются организации и союзы при школах. Апатия увеличивается. Молодежь погрузилась в болото обывательщины, серого прозябания.

А еще так недавно—энтузиазм, дружная работа в строительстве новой, трудовой школы.

Теперь—угрюмость, разочарование, горькое разочарование ..

Устала молодежь в борьбе за существование, и усталость эта наложила печать на школу.

Идеи новой школы встретили много преград: враждебное отношение учителей, пассивность молодежи, общегосударственные затруднения. Прекрасные слова:—„Школа будет пилить лес для построек школа будет изготовлять простую и прочную мебель, школа будет учить сбивать масло и делать сыр, школа будет чинить печи и делать замки, школа научит шить, ткать и прясть, школа будет чинить обувь и делать новую, обучая в то же самое время наукам, а самые науки немедленно претворяя в жизнь"—к сожалению до сих пор остаются словами. Больше того,—ничего этого не предполагается.

Прошло уже полгода со дня реформы школы. Между тем занятия нигде не наладились. Маникируют учителя, маникируют учащиеся. Наспех сколоченное здание новой школы в настоящий переходный момент оказалось совершенно непригодным для жилья. „Реформа" школы, вероятно, затянется года на два, на три. А за это время молодежь окончательно отвыкнет от занятий. Да и не до этого ей будет: надо прокормиться. Нетрудно понять, к каким плачевным результатам приведет все это. Отсутствие свежих культурных сил сильно скажется в нашей малограмотной стране, а также и на дальнейшей „работе" Советских учреждений.

Народный Комиссариат по Просвещению очевидно понял это И теперь, не видя исхода, он старается вывести учащуюся молодежь из тупика. Но выходов из тупика лишь два—вперед или назад. И в бесчисленных циркулярах [1]), которыми Комиссариат засыпает школы, уже ясно виден резкий поворот назад, к старому. Так возобновляется урочная система, обязательность посещения школы, назначаются инструктора (весьма напоминающие шпиков полицейских времен Кассо). В ведении этих „усмирителей" лежит неукоснительная проверка посещения школы учащимися, исключение „непокорных". За последнее время практикуется следующее, весьма пикантное нововведение (вернее, старовведение): у учеников, пропустивших один, два урока требуют оправдательных писем от родителей. Как смешно и как грустно! Еще немного—ученики станут в стадо и запоют нечто хором: „Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояние твое, победы Благоверному Комиссару нашему... А знакомый вкрадчивый голос „батюшки" снова начнет затуманивать ум молодежи незлобной ерундой, науськивать на Советскую власть и вообще революцию, попутно проклиная „безбожников" большевиков, анархистов башибузуков.

Среди молодежи замечается сильное недовольство этой реставрацией. И к этому недовольству присоединится каждый сознательный революционер, дорожащий идеалами свободного труда. В самом деле, Народный Комиссариат по Просвещению еще так недавно пел гимны в честь Единой Трудовой Школы. Однако—не удался эксперимент — Наркомпрос уже провозглашает: долой! Надо ввести палочную дисциплину, исключать „провинившихся!" (с волчьим билетом, неправда ли?).

Но не в этом дело. Лучшая часть молодежи сознает всю необходимость учащихся в школе труда и уважения человеческой личности. И, сознавая это, школьная молодежь начинает об'единяться в анархистские кружки—кружки защиты трудовой школы. Недавно образовавшиеся и еще находящиеся в стадии организации и борьбы за существование кружки эти намечают план работы в следующем: 1) усиление революционного сознания учащихся (интенсивная пропаганда идей анархизма среди молодежи), дружная защита завоеваний трудовой школы 2) культурно-просветительная часть (устройство собеседований, докладов, лекций, митингов)

Коммунистические ячейки не являются серьезным препятствием для организации вольных анархических кружков. Деятельность этих ячеек слишком односторонна: она преследует узко партийные цели и поэтому не может удовлетворить учащуюся молодежь. Свободное устройство и непринужденность, многогранная и культурная задача анархистских кружков служит верной порукой в том, что они окрепнут и станут руководящими нитями всей духовной жизни учащихся. Для усиления вольных кружков необходима тесная связь и контакт со Всероссийской Федерацией Анархо-Молодежи. Руководители и Секретариат последней несомненно помогут учащимся лекторской и агитаторской силой.

Довольно шести потерянных месяцев! Молодежь должна выйти из спячки; порвать со старой школой и усовершенствовать новую. Только пусть не мешают ей, не стесняют ее инициативы. Пусть дело школы будет делом учащейся молодежи! И лишь в этой общей героической работе, усилении сознания учащихся, проникновении их духом анархизма—спасение молодежи, спасение ее школьных завоеваний!

Г. Р.

[1]) Циркуляры эти очевидно имеют целью устранить всякую инициативу и самодеятельность учащихся.

Анархистское.

Дерзай и будь неугомонен,
Бунтуй мятежною душой,—
И будет старый мир схоронен
С его слезами, суетой.
Борись и шествуй неустанно,
В борьбе со злом—не уступай;
Что многодетно, многогранно—
Ищи, люби и сохраняй.
Идя могучим, справедливым
Средь анархических идей,—
Ты одолеешь и счастливым
Пойдешь тропинкою своей.
Дерзай-же, будь неугомонен,
Бунтуй мятежною душой,—
И будет старый мир схоронен
С его слезами, суетой!

Антип Никаморов.

Свобода.

Свобода...

Слишком многое подчиняет меня, угнетает. Власть. Она развращает людей! Унижает и повелителя, и подчиненного. Она мерзка, гадка, противна. Я ненавижу ее! Я хочу свободы!

Государство. Оно ничего не дает, кроме обязанностей. Оно рождает мировой разбой. Оно взяло меня. Нахально ворует, грабит мою свободу. И никогда само не отдаст ее. Мне необходимо отнять, силой возвратить свою свободу. Мне необходимо уничтожить государство! Я хочу свободы!

Семья. Это нянька, позволяющая и не позволяющая. Скряга, трясущийся надо мной. Тюремщик, недопускающий меня ни к чему светлому, вольному, заманчивому. Семья фабрикует мне душу, помимо моих желаний и даже наперекор им. Долой семью! Я хочу быть собой. Хочу свободы!

Идеи. Они часто заменяют мою волю, желания, подавляют их. Я не хочу, чтобы идеи управляли мною, повелевали мне, как поступать в настоящем и будущем. Я не хочу идеалов, точек, стен для моего духа. Я проповедываю анархию духа. Я хочу свободы!

Общественное мнение. Мнение незнающих меня, но ругающих меня повелевающих мне быть „как все". Общество заставляет меня подчиниться его тупоумию, оно поглощает, пожирает меня. Долой его! Я хочу свободы!

Вещи. Я не хочу власти вещей. Не хочу, чтоб они пугали меня своей неизвестностью. Я хочу знать их, чтоб подчинить себе, быть выше их, их повелителем, творцом, а не рабом. И я не хочу любить их, зависеть от них. Я хочу презирать их, быть равнодушным к ним. Я хочу свободы!

Любовь. Она подчиняет одного другому. Любящие перестают быть собой. Вместо своих желаний, каждый исполняет желания другого. Любовь—рабство, потеря себя, лишение самостоятельности в мыслях, желаниях и поступках. Я не хочу любви! Я хочу свободы!

Дружба. Она не отличается от любви. Она тоже взаимное подчинение, зависимость, рабство. Я хочу себя! Я не хочу друзей, ибо хочу свободы!

У меня не должно быть любимого куска земли, любимого места, которые привязывали б меня к себе, лишали б меня свободы передвижения. Я свободно иду, куда хочу. Я хочу свободы!

. . . . . .

Неужели это всеотрицание, эта безжизненность есть свобода? Нет! Это тирания свободы.

Власть, государство, семья, общественное мнение—действительно мои враги. Это внешние силы, которые стремятся подавить мою самостоятельность, подчинить меня себе. И никогда не примиримся с ними. Я восстаю против них. Я борюсь с ними, желая свободы. Но идеи, вещи, любовь, дружба? Разве они угнетают меня? Разве моя свобода в отречении от них? Нет! Я хочу быть собой и тем быть свободным. Я творю идею, я сменяю ее другой, я отрекаюсь от них. Я люблю вещь, кусок земли. Они дают наслаждение мне. Они приятны, необходимы для меня. Использовав их, насытившись, я отбрасываю их, отрекаюсь от них. Я хочу любить, и я люблю. Любовь нужна мне. Без нее я буду нежизненной, несчастлив, скучный. А разве свобода не есть счастье, не есть жизнь, веселье, радость? Мне нужен друг. Я выбираю, имею его, общаюсь с ним. Я отказываюсь от любви, от дружбы, когда они начинают угнетать меня, становиться неприятными.

Сменяя идеи, мысля, любя, дружа, чувствуя, я не перестаю быть свободным. Моя жизнь, моя свобода—постоянное разрушение, постоянный бунт духа. Свобода не есть все отрицание, одиночество духа, боязнь всего, ненависть, презрение ко всему, кроме „свободы". Это не свобода, а самоубийство, отречение от всех удовольствий, переживаний, настроений, кипение в собственном соку.

Нет!

Свобода—подчинение своим желаниям, удовлетворение их, переживание удовольствий, вечное разрушение и бунт, постоянная смена переживаний, настроений, идей, любовь, вещи и восстание против них, дружба и равнодушие.

Но ведь мои желания могут быть нежелательны для остальных, мои удовольствия—неприятны для других.

Моя свобода не должна быть угнетением остальных.

„Моя свобода—в свободе и радости других".

Павел Степанов.

Мысли молчания.

1. Проходишь жизнь и все больше и больше убеждаешься, что в худших и лучших ее моментах остаешься всегда один. Это так. Это так.

2. Раньше я удивлялся виду, как мало это жалкое большинство уделяет своей жизни красоте и любви, но теперь я понял, что они очень заняты и им совершенно не до этого.

3. Я считаю себя свободным только тогда, когда я знаю, что могу прожить неизменно в какой-нибудь позе столько, сколько мне будет угодно.

4. Трясут за плечо—надо вставать. Зачем? Встаю я обыкновенно каждое утро, а этот членительный сон я вижу впервые.

5. Память—одна из самых важных наших способностей. Кто не обладает ею—тот глуп, кто обладает ею в достатке—тот счастлив и кто имеет ее в избытке—тот несчастлив.

6. Нет ничего обманчивее женщины с полузакрытыми глазами.

7. Звон колокола всегда напоминает мне о прошлом, иногда о настоящем, а чаще о будущем. И все это сливается в одну тягучую волну жалости, в одну примиряющую песнь о неизбежности смерти и я не знаю по какой ассоциации я так люблю вспоминать слова Банга: „О счастье, о любви и о том, что должно умереть".

8. Существование каждого из нас должно быть оправдано и оправдывается оно единственно тем сознанием, что у каждого где то есть кто любящий и любимый—иного оправдания нет.

9. Нет ни одной жизни, которая не состояла бы из преступлений. Жизнь каждого—ряд бессознательных и сознательных преступлений; и если последних больше, то на того уже начинают показывать пальцами и возмущаться. А в сущности скорее надо было бы оправдывать сознательные преступления, ибо они то и есть выявления воли и права каждого.

10. Молодость ценна не тем, что благодаря ей мы можем сделать свою жизнь счастливой или несчастной. Молодость ценна сама по себе.

11. Самое страстное счастье — мгновение, а любовь длится дни и годы и она потому то и живет, что существует ее в отображении и памятности самого страстного мгновения ее счастья.

12. Побежденем бедности и лишений следует считать не того, кто трудом избавился от них, а того, кто вынес из них красивыми свою душу и сердце. И тягчайший разврат бедности это—лишение человека красоты.

13. Мысли не бывают ни дурными, ни хорошими—они всегда порождение жизненного момента и всякой сущности.

14. Как бы люди хорошо не понимали друг друга—они всегда понимают только то, что они сами понимают.

15. Самые тяжелые и самые радостные переживания всегда бессознательны—разум же обладает свойством или увеличивать или уменьшать их сущность, но действительного переживания понять и разобрать он не может.

16. Вопрос о нашем несчастии имеет две постановки—или в жизни мало того, что нужно для счастья или в нас мало того, что нужно для счастья. Но истинное ощущение счастья сопровождается чувством, говорящим, что в нас счастья больше, чем в жизни.

17. Чем больше человек бывает самим собой, тем более он одинок. Это очень трудно быть самим собой и доступно очень немногим.

18. Если жизнь одно неуклонное стремление поддерживать жизнь плоти, то она чудовищна, ненужна, мертва и я дожил до того времени, когда, как мне кажется, при виде Солнца могут думать только о тепле, а при виде птицы—о пище. Нет, такая жизнь не нужна и если до нее довели нас утопии прогресса, то можно смело вычеркнуть жизни многих столетий, как ненужный круг пути, или по которому от одной точки, мы уверенно возвращаемся к ней только с другой стороны.

19. Мы собираемся строить новую жизнь на новых принципах, новых идеалах, но для того, чтобы начинать что-нибудь новое, мы должны себя чувствовать достаточно молодыми, а для молодости необходима любовь. Ей же—любви—этой бедной изгнаннице нет места в наших сердцах—ибо мы слишком много отдали себя во имя стихии, чтобы быть в состоянии дать тем, с кем мы будем и должны жить и которым мы должны отдать наше лучшее. Чтобы ни говорили все теоретики свободы и революций, но жизнь без индивидуальности семьи и личности, отдание всего призрачному Ваалу свободы, такая жизнь бесплодна и бесперспективна.

20. Прощайте все, всегда и всем—это то единственное, что мы можем сделать доброго по отношению ко всем тем, из которых может быть двое или трое всего на всего во всю нашу жизнь будут близки и понятны нам.

Анатолий Вашков.

Темы докладов.

Многие товарищи пишут: „как вести нам собрания группы, что обсуждать, на какие темы писать доклад?" И поэтому мы составили список тем для докладов, читаемых в группах.

1) Почему я анархист?
2) Как я хочу устроить деревню на анархических началах?
3) Как я хочу устроить город на анархических началах?
4) Почему я не верую в Бога?
5) Религия приносит вред или нет?
6) Когда лучше перейти к анархии в советской власти: или во время власти Учредительного собрания или во время буржуазной республики.
7) Нужен ли суд?
8) Приносит ли суд пользу людям, или нет?
9) Кто я—анархист-коммунист, индивидуалист, синдикалист, толстовец и т. д. и почему я примыкаю к этому течению?
10) Приносит ли власть вред людям, если да, то почему и как?
11) Как я думаю устроить свою жизнь?
12) Как лучше поставить пропаганду анархизма?
13) Нужен ли брак законный?
14) Нужна ли семья?
15) Свободная любовь есть ли идеал анархиста?
16) Как скорее придти к анархии?

(Продолжение в следующем №).

Ко всем читателям.

Редакция извещает о перемене своего адреса, каковым является: Москва. Триумфальная площадь, д. № 1/2, кв. № 27. (Вход с Садово-Триумфальной ул.). Приемные часы и дни остаются те же.

От инициативной группы анархистов г. Москвы.

Ко всем анархистам г. Москвы.

Товарищи!

Переживаемый нами момент слишком серьезен. От нас зависят приблизить или отдалить осуществление идей анархизма.

Масса ищет выход.

И вот в то время, когда происходит переоценка ценностей, в то время, как идет коренная ломка психологического уклада, в то время, когда брожение умов достигло высшего напряжения—в это время нельзя оставаться холодными свидетелями и не ринуться в хаос настроений массы с светлым, свободным, красивым учением, с учением анархизма!

Учитывая все это и принимая во внимание распыленность анархических сил, что отражается на невозможности вести систематическую работу по анархизму, инициативная группа обращается ко всем анархистам г. Москвы с предложением организовать Свободный Союз анархистов с целью [illegible]нения и координации сил для общей анар[illegible]ой работы.

Инициативная группа полагая, что в Свободный Союз войдут все товарищи анархисты, которые действительно желают работать, позволяет себе предложить товарищам проект организации Свободного Союза анархистов.

Проект организации Свободного Союза анархистов:

1) в Свободный Союз анархистов могут входить все желающие анархисты всех течений и толков;

2) членами Союза могут быть, как отдельные лица, так и представители групп, а равно и самые группы анархистов.

Задачи Свободного Союза анархистов—об'единение и координация сил и все виды пропаганды идей анархизма.

Средства распространения идей анархизма являются: устройство клубов, концертов, митингов, диспутов, чтение лекций, издание газет, журналов и др. анархистской литературы, организация групп и культурно-просветительная работа.

Примечание. Инициативная группа полагает, что по средствам этой свободной организации, как все анархические течения, так и отдельные индивидуумы будут иметь возможность высказываться на страницах издаваемой газеты и журналов, а также на диспутах, лекциях и митингах.

Инициативная группа.

Товарищи! пишите в Секретариат о жизни и работе вашей группы, о жизни и настроении населения вашей местности.

Товарищи! Всероссийская Федерация Анархистской Молодежи просит всех своих членов присылать членские взносы.

Готовьтесь к С'езду.

На 27 апреля в Москве созывается 1-й Всероссийский С'езд Анархистской Молодежи. Подробности будут опубликованы. За справками обращаться в Секретариат Всероссийской Федерации Анархистской Молодежи: Москва, Тверская, Бол. Чернышевский пер., д. № 18, кв. № 2.

ХРОНИКА.

Революция в Баварии.

Анархисты руководят революционным движением.

БУДАПЕШТ, 7—IV. (Радио). Полученное обращение к Российскому пролетариату о совершившейся в Баварии революции подписано, кроме доктора Липпи, также и Эрихом Мюзам. Эрих Мюзам, проповедник Анархии, известен не только Мюнхену, но и всей Германии. Участие Мюзама дает основания предполагать о сильном анархи[illegible] в Баварии.

Разгром Самарской Федерации.

САМАРА, 28—III. Вчера ночью в 3 часа Чрезв. Ком. арестован секретарь федерации Саша. Сегодня в 12 часов (28-го марта) наряд солдат окружил здание федерации, сорвал черное знамя, опечатал библиотеку. Теперь клуб закрыт. Чем вызваны репрессии,—сами не знаем? Последнее время анархич. пропаганда пользовалась широким успехом среди рабочих и красно-армейцев; клубные лекции всегда были полны народом. И вот обрушились на нас. Несколько недель тому назад было арестовано собрание левых с.-р., трое и до сих пор сидят. Теперь очередь максималистов.

Отряд анархистов наступает на Таганрог.

ШТАБ N-й БРИГАДЫ, 4—IV. На фронте отряда анархиста Батько-Махно противник всячески старается отстоять Таганрог и ст. Кутейниково, взятие которой окончательно освободит угольный район от белых банд. (Роста).

Учащиеся-анархисты.

КАМЫШИН. Здесь 1-го марта при Единой Трудовой школе 2 ступени № 1 образовалась группа учащихся-анархистов. В основу организации положены Декларация и наказ В. Ф. А. М. На первом собрании группы присутствовало 5 человек.

Група решила взять на себя роль агента по распространению журнала „Жизнь и Творчество Русской Молодежи".

По поводу воззвания Центрального Бюро Вс. Союза Юных Эсперантистов в № 22 журнала „Ж. и Т. Р. М." большинство группы решило обратиться в Нар. Ком. Прос. с протестом против обязательности изучения иностранных языков и с предложением ввести в школы обязательное изучение Эсперанто; меньшинство же, протестуя против обязательности иностранных языков, предлагает ввести в школы изучение Эсперанто и изучение одного языка по выбору учащегося сделать обязательным.

П. Степанов.

Ассоциация анархической молодежи.

Г. ОПОЧКА, Псковск. губ. 5-го марта у нас организовалась Ассоциация анархически-мыслящей молодежи. Была вынесена резолюция, заключающая в себе задачи ассоциации и ее отношение к Секретариату Всефам'а, и принят наказ, аналогичный наказу Всефам'а.

Г. Селюгин.

МИНСК, 29—III.

Группой Печатников-Анархистов в субботу 29 марта в Доме Труда, комн. № 3 была устроена лекция тов. Грина на тему: „Джэк-Лондон"—идеолог пролетариата. Вход был свободный.

„Семицвет".

В конце апреля с. г. выйдет в свет ежемесячный сборник „СЕМИЦВЕТ". Отделы: 1) художественная поэзия и проза 2) теория и история искусства и творчества (поэзия, проза, живопись, театр, скульптура, музыка), 3) философия, 4) культура, 5) библиография и хроника. Весь материал направлять по временному адресу редакции: Москва, Новая Божедомка, д. 7, кв. 12.

Сборник „Семицвет" будет бесплатно выслан всем подписчикам „Ж. и Т. Р. М."

Письмо в Редакцию.

У. т. Редактор.

Убедительно прошу не отказать в напечатании нижеследующего..

В № 26—27 „Ж. и Т. Р. М." в отчете Всефам'а сказано, что я на собрании 11-го марта избран казначеем Федерации и делал отчет о состоянии кассы. В виду этого я вынужден заявить, что еще 8-го марта предупредил об отказе по принципиальным соображениям от несения *временно* возложенных на меня обязанностей казначея и 11-го марта все дела и суммы сдал т. Маркову, что последний, надеюсь, не откажется подтвердить. По той же причине доклад на собрании и 11-го марта и кассовые отчеты Федерации в №№ 24—25 и 26—27 принадлежат не мне.

Примите и пр.

М. Т.

Библиотека анархиста.

П. Крапоткин. Взаимная помощь как фактор эволюции.
„ Хлеб и воля.
„ Речи бунтовщика.
„ Поля, фабрики и мастерские.
„ Письма о текущих событиях.
Проф. Гектор Цокколи. Анархизм при свете научного анализа, 2 тома.
Эльцбахер. Анархизм.
А. Боровой. Анархизм.
М. Бакунин. Бог и государство.
Себастьян Фор. Мировая скорбь.
Дж. Маккэй. Анархисты конца XIX века.
Прудон. Что такое собственность.
М. Штирнер. Единственный и его собственность.
В. Тэнер. Вместо книги.
Жан Грав. Умирающее общество и анархия.
А. Карелин. Государство и анархисты.
брошюры по анархизму.
П. Крапоткин. Анархия, ее философия, ее идеал.
„ Нравственные начала анархизма.
„ Государство и его историческая роль.
„ Революционное правительство.
„ Новый интернационал.
„ Коммунизм и анархия.
„ Великая революция.
„ Анархия и ее место в социалистической эволюции.
„ Наши богатства и довольство для всех.
А. Карелин. Россия в 1930 году.
„ Вольная деревня.
„ Уроки Парижской коммуны.
Ал. Атабекян. Против власти.
„ Кровавая неделя в Москве в 1917 г.
„ Перелом в анархистском учении.
„ Социальные задачи домовых комитетов.
„ Возможна ли анархистская социальная революция.
„ Вопросы теории и практики.
Г. Сандомирский. Анархизм и право захвата.
„ П. Крапоткин — учитель международного анархизма.
„ Плеханов и анархисты.
П. Бертоле. Новое Евангелие.
И. Мост. Религиозная язва.
С. Фор. Преступление Бога.
Н. Н. Русов. Критики анархизма.
Жорж Этьеван. Речь на суде.
В. Поссе. Кооперация и коммунизм.
Л. Н. Толстой. Христианский анархизм.
Л. Солонович. Государство, интеллигенция и анархизма.
А. Тюханов. Социальная революция.
Профарансов. Стачка, рабочий союз и социализм.
Элизе Реклю. Эволюция, революция и идеаланархизм.
„ Моему брату крестьянину.
„ Духовенство, церковь и анархизм.
Ньювонгунс. Социализм в опасности.
Эн. Ивто. Азбука синдикализма.
Малатеста. Крестьянские речи.
„ Краткая система анархизма в X беседах.
Проф. К. Диль. Анархизм, его теория и практика.
А. Боровой. Общественные идеалы современного анархизма.
„ Революционное творчество и парламент.

АНОНС.

На Пасхальной неделе Московская Анархическая Ассоциация Молодежи

УСТРАИВАЕТ

в пользу журнала „Жизнь и Творчество Русской Молодежи"

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ

с участием известных артистов г. Москвы.

Концерт устраивается в Колонном Зале Дома Союзов (Уг. Б. Дмитровки и охотн. ряда).

Редактор: Н. В. Марков.

Издание Московской Анархической Ассоциации молодежи.

Типография „РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ", Москва, Большая Садовая, д. 14. Телефон № 2-06-35.